

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЭКОНОМИКЕ: АНАЛИЗ ПРЕИМУЩЕСТВ И УГРОЗ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Денисова Дарья Сергеевна¹

Российская Федерация, г. Самара, Самарский университет.

Аннотация: В статье исследуется положительное и негативное влияние технологий искусственного интеллекта на экономическую систему Российской Федерации. На основе анализа российских исследований и статистических данных рассматриваются макроэкономические эффекты внедрения ИИ, включая рост производительности труда и ВВП. Особое внимание уделяется системным угрозам цифровой трансформации: трансформации рынка труда, увеличению социального неравенства и рискам, связанным с появлением ИИ. В заключении обосновывается необходимость формирования сбалансированной государственной политики, уменьшающей негативные риски.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая экономика, производительность труда, рынок труда, технологический суверенитет, цифровая революция, государственная политика.

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ECONOMY: ANALYSIS OF THE ADVANTAGES AND THREATS OF THE DIGITAL REVOLUTION

Denisova D.S.

Russian Federation, Samara, Samara University.

Abstract: This article examines the positive and negative impacts of artificial intelligence technologies on the Russian economic system. Based on an analysis of Russian research and statistical data, it examines the macroeconomic effects of AI implementation, including increases in labor productivity and GDP. Particular attention is paid to the systemic threats of digital transformation: labor market transformation, increasing social inequality, and the risks associated with the emergence of AI. The article

¹Студент 3 курса бакалавриата Института экономики и управления Самарского университета. Научный руководитель: Куликова Д.А., кандидат экономических наук, ассистент кафедры экономики инноваций Самарского университета (Kulikova D.A., Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor at the Department of Economics of Innovation at Samara University)

concludes by substantiating the need for a balanced public policy that mitigates these negative risks.

Key words: Artificial intelligence, digital economy, labor productivity, labor market, technological sovereignty, digital revolution, public policy.

Введение

Цифровая революция, берущая свое начало в развитии технологий искусственного интеллекта, трансформирует структуру современной экономики. Если ранее автоматизация затрагивала преимущественно физический труд, то современные системы ИИ вторгаются в сферу когнитивных и творческих задач, фундаментально меняя бизнес-модели, структуру производства, рынка труда и финансов. Дэн Айвз, старший аналитик Wedbush Securities, считает, что формируется не временный тренд, а новая экономика, в которой ИИ играет центральную роль – от облачных инфраструктур до автономных технологий и робототехники [4].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа не только экономических выгод от внедрения ИИ, но и социально-экономических рисков, которые могут нивелировать положительные эффекты.

Цель данной статьи — на основе анализа уже проведенных исследований выявить ключевые преимущества применения ИИ в экономике, а также систематизировать основные угрозы, требующие взвешенного регулирования и планирования.

Ход исследования

1. Экономические преимущества и потенциал роста.

Согласно совместному исследованию «Яндекса» и консалтинговой компании «Яков и партнеры», совокупный экономический эффект от внедрения искусственного интеллекта в российскую экономику к 2030 году может достичь 7,9–12,8 трлн рублей ежегодно, что составит до 5,5% прогнозного ВВП. Данная сумма сопоставима с прибылью всей банковской отрасли страны. В рамках проекта эксперты опросили 150 технических директоров крупных российских предприятий из 16 отраслей, 150 поставщиков ИИ-решений и более 3,5 тыс. пользователей [2].

Экономический эффект от ИИ формируется за счет трех основных компонентов: оптимизации затрат, создания новой выручки благодаря продуктовым инновациям и трансформации бизнес-моделей [1]. Наибольшая удельная эффективность ожидается в «цифровых» отраслях: электронной коммерции, телекоммуникациях и медиа, IT и технологиях.

Компании-лидеры, уже активно внедряющие искусственный интеллект, тратят на эти технологии 13–17% своего ИТ-бюджета и оценивают их текущий эффект на уровне 6,6% от EBITDA. Их ожидания на будущее также более амбициозны: они прогнозируют рост эффекта до 15,8% от EBITDA [1].

Масштабное исследование, проведенное Росстатом в 2025 году по методологии НИУ ВШЭ с участием свыше 15 тысяч крупных и средних компаний, показывает, что абсолютным лидером по внедрению стали технологии обработки изображений и видео: их используют две трети (66%) организаций. Половина опрошенных компаний (50%) применяют системы интеллектуальной поддержки принятия решений. Также широко востребованы обработка текстов и звука — эти инструменты внедрили более трети предприятий [8].

2. Трансформация рынка труда: риски и новые возможности.

Вопрос о влиянии искусственного интеллекта на занятость остается одним из наиболее дискуссионных. Исследование НИУ ВШЭ показывает, что лишь 15% компаний сообщили о сокращении численности персонала из-за автоматизации. В четыре раза больше респондентов (63%) заявили, что внедрение ИИ не оказало никакого влияния на количество рабочих мест [8].

Согласно исследованию «Яндекса» и «Яков и партнеры», только 32% опрошенных компаний ожидают снижения фонда оплаты труда благодаря автоматизации. Вместо сокращения штатов бизнес использует высвобожденное время сотрудников для решения новых стратегических задач. Особенно заметен сдвиг в восприятии генеративного ИИ: если год назад 49% компаний связывали его эффект с оптимизацией фонда оплаты труда, то сейчас таких лишь 12% [1].

Однако, как отмечают аналитики, российский рынок труда вступает в эру биполярности. На одном полюсе — острый дефицит рабочих, инженеров, медиков и квалифицированных айтишников. На другом — перепроизводство офисных сотрудников средней руки, чьи навыки стремительно обесцениваются под натиском алгоритмов [5].

Финансовый сектор станет одним из лидеров по сокращению штата. По мнению доцента Финансового университета Ольги Борисовой, под ударом окажутся не только сотрудники колл-центров и бэк-офиса, но и начинающие бухгалтеры, чья работа все чаще автоматизируется специализированными сервисами.

В ИТ-секторе главная группа риска — специалисты младшего уровня (junior). Андрей Токранов из сервисно-рекрутинговой компании Fersol отмечает, что активное развитие нейросетей снижает потребность в выполнении рутинных задач по написанию кода и тестированию. Екатерина Каштанова из Государственного университета управления

подтверждает: junior-разработчиков, тестировщиков (QA) и аналитиков данных «уже практически не берут» [5].

Основатель и генеральный директор рекрутинговой компании «Эллектус» Евгения Дворская отмечает, что ИИ уже затронул копирайтеров, графических дизайнеров, сотрудников поддержки и переводчиков. В качестве примеров приводятся сервис Duolingo, «серьезно сокративший штат переводчиков», и образовательная платформа Skyeng, запустившая курсы с ИИ-преподавателем [2].

3. Риски усиления социального неравенства.

В условиях четвертой промышленной революции технологический прогресс, с одной стороны, создает новые возможности, а с другой — усугубляет разрыв между разными группами населения. Как отмечает специалист ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России Максим Кобленков, «цифровая бедность — это социально-экономическое неравенство, вызванное ограниченным доступом к цифровым технологиям, интернету и недостатком соответствующих навыков» [3].

На микроуровне, как указывает кандидат политических наук Антон Дожиков, кредитные решения, доступ к страховке, возможность участвовать в рынках капитала — все управляется ИИ-системами скоринга и риск-оценки. Если такой ИИ становится монополистом в инфраструктуре оценки кредитоспособности, он, по сути, распределяет шансы людей и компаний на участие в финансовой экономике без каких-либо возможностей социального роста — «твой финансовый путь и возможности предопределены до рождения» [4].

4. Проблема инвестиционного пузыря на рынке ИИ.

Значительную угрозу для глобальной экономики представляет формирование инвестиционного пузыря на рынке технологий искусственного интеллекта. Глава Amazon Джефф Безос прогнозирует, что, если этот пузырь лопнет, последствия будут серьезнее, чем кризис на рынке недвижимости в 2008–2009 годах.

Стоимость разработки поколений LLM составила: ChatGPT-3 — \$50 млн, ChatGPT-4 — \$500 млн, ChatGPT-5 — \$5 млрд [10].

Американская фирма Bain&Co в своем сентябрьском отчете предупреждает, что к 2030 году корпоративным пользователям ИИ для покрытия расходов на вычислительные мощности потребуется выручка в \$2 трлн ежегодно, однако их реальные доходы вряд ли превысят \$1,2 трлн. Аналитики также видят опасность в том, что потребление энергии, необходимой для работы дата-центров, опережает возможности генерации: для получения требуемых OpenAI 20 ГВт мощности необходима работа 20 реакторов АЭС.

Заведующий лабораторией НИУ ВШЭ Сергей Кузнецов отмечает, что многие инвесторы вкладываются в ИИ, поддавшись общему «хайпу», без четкого понимания, как будут окупаться вложения. При этом он считает, что, если кризис на рынке технологий ИИ произойдет, Россия почти не ощутит на себе его последствий, поскольку «наши компании в основном разрабатывают инструменты ИИ не на продажу, а для решения собственных локальных задач» [10].

5. Системные риски и угроза сильного искусственного интеллекта

Наиболее глубокий уровень угроз связан с перспективой создания сильного (общего) искусственного интеллекта (AGI). Как отмечает А. Дождиков, переход к AGI, способному самостоятельно переписывать собственный код, ставить новые цели и действовать, качественно меняет архитектуру экономических и финансовых рисков [4].

Пример такого подхода - машина Дарвина-Гёделя, разработанная специалистами Sakana AI. Это алгоритм, способный самостоятельно переписывать свой код и, как показали исследователи, даже «обманывать» своих создателей при ведении протокола отчетных данных. Для финансового регулятора это звучит угрожающе — проблема подделки отчетности и обвальные дефолты эмитентов оказываются меньшим из возможных зол.

А. Дождиков выделяет три уровня финансового риска от сильной ИИ: на макроуровне сильный ИИ встраивается в системы макропруденциального надзора. Тот, кто первым даст такому ИИ полный доступ к макроданным и инструментам монетарной политики, получит возможность управлять глобальной финансовой системой и «программировать» кризисы.

На мезоуровне (уровне рынков и институтов) риск материализуется в форме алгоритмического трейдинга нового поколения, создания петель обратной связи между ИИ-моделями разных институтов, ведущих к внезапным синхронизированным движениям и крахам, появления «черного ящика над черным ящиком» — сложных финансовых инструментов, управляемых непрозрачными моделями, способными к самоизменению.

На микроуровне (уровне домохозяйств и компаний) возникает проблема неравного доступа к возможностям сильного ИИ. Те, кто контролирует вычислительные мощности и закрытые датасеты, получают экономическую ренту, сравнимую с эмиссией новой резервной валюты, диктуя условия всем остальным участникам финансовой системы [4].

6. Барьеры внедрения и перспективы развития в России

Исследование НИУ ВШЭ показывает, что основным барьером для внедрения технологий остаются высокие затраты: на них указали 58% опрошенных. Треть компаний столкнулась с нехваткой квалифицированных кадров, недостатком данных или слабой ИТ-инфраструктурой. При этом почти половина организаций (48%), еще не внедривших ИИ, объяснили это отсутствием видимой потребности в таких решениях в своей текущей деятельности [8].

Как отмечают И.С. Крошилин и Е.И. Медведева, при создании и развитии ИИ мировыми лидерами ИТ-отрасли вложены значительные средства. В связи с этим предполагается, что бесплатные системы вскоре станут платными, поэтому необходимо развивать и внедрять данные технологии на основе отечественных разработок [7].

Важным шагом в этом направлении стало поручение президента о создании единого штаба по развитию искусственного интеллекта.

Олег Сажин, советник генерального директора Content AI, подчеркивает, что создание координационного центра должно помочь выработать общую стратегию по управлению рисками, связанными с дипфейками, и взаимодействию между игроками рынка [6].

Полученные результаты и выводы (Заключение)

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что искусственный интеллект является мощнейшим инструментом экономического развития, способным обеспечить прирост ВВП и качественную трансформацию бизнес-процессов.

При отсутствии правильно выстроенной социальной политики цифровая революция может привести к появлению цифрового «неофеодализма».

Опасность заключается в перспективе развития сильного искусственного интеллекта, способного к самообучению и самостоятельной постановке целей.

Глобальный инвестиционный пузырь на рынке ИИ-технологий добавляет еще один уровень неопределенности. Хотя российская экономика в силу своей относительной изолированности может избежать прямых последствий его обвала, косвенные эффекты через замедление мирового экономического роста и сокращение доступа к передовым технологиям могут оказаться значительными.

Главным итогом цифровой революции должно стать повышение качества жизни граждан и расширение их возможностей.

Список использованных источников

1) Аналитики оценили экономический эффект от ИИ в РФ в 12,8 трлн рублей к 2030 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://expert.ru/news/analitiki-otsenili-ekonomicheskii-effekt-ot-ii-v-rf-v-12-8-trln-rubley-k-2030-godu/> (дата обращения: 05.03.2026).

2) Орлов А. ИИ и российский бизнес: кто выигрывает от новых технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusnor.org/pubs/articles/33164.htm> (дата обращения: 05.03.2026).

3) Настоящее и будущее социально-экономического развития: международная конференция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vcot.info/news/nastoasee-i-budusee-social-no-ekonomiceskogo-razvitia-mezhdunarodnaa-konferencia> (дата обращения: 05.03.2026).

4) Дождиков А. Сильный ИИ и цифровой апгрейд человека как вызовы финансовой архитектуры будущего. Риски, угрозы, последствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plusworld.ru/articles/69695/bankovskaya-roznitsa/> (дата обращения: 05.03.2026).

5) Что ждет российский рынок труда в 2026 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/community/56079150-chto-zhdet-rossiyskiy-rynok-truda-v-2026-godu/> (дата обращения: 05.03.2026).

6) Штаб по развитию ИИ определит стратегию развития IT-отрасли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2025/11/21/shtab-po-razvitiu-ii-opredelit-strategiiu-razvitiia-it-otrasli.html> (дата обращения: 05.03.2026).

7) Крошилин И.С. Новая парадигма внедрения искусственного интеллекта в России: точечные решения промышленных задач / И.С. Крошилин, Е.И. Медведева // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2026. — № 1. — С. 45-58.

8) ВШЭ: более трети компаний фиксируют рост доходов при использовании ИИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbj.ru/pubs/vshe_bolee_treti_kompaniy_fiksiruyut_rost_/70382/ (дата обращения: 05.03.2026).

9) Серебряный И. Инвесторы угодили в нейросеть. Пузырь на рынке ИИ грозит глобальным кризисом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://expert.ru/tekhnologii/investory-ugodili-v-neyroset/> (дата обращения: 05.03.2026).

10) Кудрявцева Я. Четвертая промышленная революция: как ИИ меняет современную экономику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fomag.ru/news/chetvertaya-promyshlennaya-revolutsiya-kak-ii-menyaet-sovremennuyu-ekonomiku/> (дата обращения: 04.03.2026).